

Список литературы

1. Вебер М. Основные понятия социальной стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
2. Шкаратан О. И., Инясевский С. А., Любимова Т. С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 17–25.
3. Беляева Л. А. И вновь о среднем классе // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 3–13.
4. Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 1. С. 7–15.
5. Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 24–33.
6. Голенкова З. Т. Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Норма, 1999. 189 с.
7. Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: ЭконИнформ, 2009. 148 с.
8. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 19–28.
9. Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 138 с.
10. Аврамова Е. М. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф, 2003. 301 с.
11. Психология и бизнес. URL: <http://www.psychology.ru/library/1202>
12. Каргаполова Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития : монография / науч. ред. проф. Н. В. Дулина. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. 375 с.
13. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / авт. колл: А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебедина, С. Б. Медведев, С. Н. Рымарович, О. С. Хамзяева ; отв. ред. А. Ю. Арясова. Астрахань : АИСИ, 2011. 160 с.
14. Регион: пространство смыслов и содержание : коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонов, М. А. Симоненко, В. В. Токарев ; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. 294 с.
15. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития : монография / Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2012. 185 с.
16. Вдовиченко А. Проблема формирования среднего класса в России. М., 2009.
17. Каргаполова Е. В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений : дис. ... д-ра соц. наук. Астрахань, 2014. 378 с.

© Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева

Ссылка для цитирования:

Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Самоидентификация как фактор социальной адаптации населения Астраханской области // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 53–56.

УДК 316.4

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
КАК СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА
(на примере Ульяновской области)**

Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская, Н. В. Власова

Ульяновский государственный университет

В статье раскрываются показатели социального неравенства на примере Ульяновской области в сложном процессе модернизации региона.

Ключевые слова: регион, модернизация, социальное неравенство, материальная дифференциация населения, бедность.

**SOCIAL AND ECONOMIC DIFFERENTIATION AS A DETERRENT OF THE REGION MODERNIZATION
(by the example of Ulyanovsk region)**

E. P. Galkina, M. I. Kadnitchanskaya, N. V. Vlasova

Ulyanovsk State University

The paper gives indices of social inequity in the complicated process of region modernization by the example of Ulyanovsk region.

Keywords: region, modernization, social inequity, financial differentiation of population, poverty.

Тема модернизации в современном мире весьма актуальна. «Современная модернизация – это целостный социокультурный процесс, основными функциями которого являются обеспечение безопасности страны и улучшение условий жизнедеятельности населения» [1, с. 34]. Модернизация, происходящая на региональном уровне, отличается от столичных реалий, но

при этом исторический опыт российской государственности свидетельствует о высокой ориентированности областей на центр. Поступательная эволюция стран и регионов может прерываться «чрезвычайными» периодами (стихийные бедствия, неурожаи, финансово-экономические кризисы и пр.), так как история непрерывна, а модернизационная ее составляю-

щая – процесс длительный. Модернизация влечет за собой значительные изменения в каждой сфере человеческой цивилизации, включая области экономики, общественной жизни, политики, экологии, культуры и личного поведения.

Изменения, произошедшие в России за последние несколько лет, не могли не сказаться на стратификационной структуре общества. Эти изменения обусловлены целым рядом причин различного характера. Материальная дифференциация населения Ульяновской области в 1996–2012 гг. продолжала углубляться, но более низкими темпами, чем во многих других регионах России. С 1996 по 1999 г.

в Ульяновской области можно отметить ее уменьшение, что наглядно подтверждает коэффициент Джинни, который за этот период снизился с 0,346 до 0,298 (см. табл. 1). Но с 2002 г. происходит рост материальной дифференциации, а объем денежных доходов в группах с первой (с наименьшими доходами) до четвертой уменьшился на 0,2–0,8 %. В пятой (высокодоходной) группе за этот период объем доходов вырос на 2,4 %. Наблюдаемое усиление материальной дифференциации подтверждает и коэффициент Джинни, значения которого увеличились за период 2000–2012 гг. с 0,364 до 0,391.

Таблица 1

Распределение общего объема денежных средств населения по двадцати процентным группам (Ульяновская область, 1996–2012 гг.)

Годы	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент Джинни
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)	
1996	7,0	11,8	16,5	23,0	41,7	0,346
1997	7,1	12,0	16,6	23,1	41,2	0,343
1998	7,3	12,1	16,7	23,1	40,8	0,333
1999	8,1	13,0	17,3	23,1	38,5	0,298
2002	6,5	11,3	16,1	23,0	43,1	0,364
2003	6,4	11,3	16,0	23,0	43,2	0,366
2005	6,4	11,2	16,0	23,0	43,4	0,368
2006	6,1	11,0	15,8	22,9	44,2	0,377
2008	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	0,392
2009	5,7	10,5	15,5	22,8	45,5	0,393
2010	5,7	10,5	15,5	22,8	45,0	0,394
2011	5,9	10,7	15,6	22,8	45,0	0,387
2012	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	0,391

Здесь и далее источник статистической информации: [2]

Необходимо отметить, что коэффициент Джинни в Ульяновской области значительно меньше, чем по России в целом (0,419). Но и в стране, и в регионе наблюдается стабильный рост коэффициента. В 2013 г. по Ульяновской области он составлял 0,391 [3, 4].

По статистической информации, реальные денежные доходы населения в последние годы увеличились во всех субъектах РФ. Среднедушевые доходы населения Ульяновской области выросли с 1277 руб. в 2000 г. до 16351 руб. в 2012 г. Среднедушевые доходы населения по РФ увеличились с 2281 руб. в 2000 г. до 23058 руб. в 2012 г. Таким образом, в Российской Федерации доходы растут быстрее, чем в Ульяновской области.

В Ульяновской области сохраняется бедность и необеспеченность большого слоя людей: 60,3 % населения имеют доход в пределах от 2000 до 10000 руб., а доля населения с доходами свыше 10000 руб. составляет всего 39,7 %, из них с доходами более 25000 руб. – 6,4 %. Доля населения Ульяновской области с доходами ниже прожиточного минимума в 2012 г. составляет 13,4 % (по России 10,9 %).

Среднемесячная заработная плата работников организаций Ульяновской области в 2012 г. составляла 17107 руб., по Российской Федерации – 26629 руб., что на 9522 руб. больше. Наблюдается устойчивая тенденция увеличения разницы между этими двумя показателями [5].

Аналогичную ситуацию мы видим и в структуре доходов населения Ульяновской области. Резко падает показатель доходов от предпринимательской деятельности: с 19,6 % (2000 г.) до 8,9 % (2012 г.). Заработная плата в 2000 г. составляла 42,1 %, а уже в 2012 г. – 36 %. При этом российская тенденция по вкладу в доход заработной платы имеет обратную направленность (2000 г. – 36,5 %, 2012 г. – 41,5 %). Возрастает составляющая социальных выплат: от 18,1 % в 2000 г. до 25,1 % в 2012 г. Доходы от собственности в два раза меньше среднероссийского аналогичного показателя (2000 г. – 3,7 %, 2012 г. – 2,3 %). Другие доходы составили в 2000 г. 16,6 %, в 2012 г. – 27,7 %. Таким образом, в структуре доходов возрастает роль социальных выплат и других источников доходов,

а вклад заработной платы уменьшается. При этом в структуре социальных выплат вырос почти в два раза процент пособий и социальной помощи (2000 г. – 11,5 %, 2012 г. – 26,7 %) [6].

Показательны в связи с этим выводы доклада Всемирного банка «Справедливость и развитие», в котором говорится: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Это может приводить к экономическим потерям. Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным, и упускаются возможности для инноваций и инвестиций» [7, с. 2].

Относительно структуры потребительских расходов домашних хозяйств Ульяновской области можно отметить, что в 2009 г. снизились расходы на покупку продуктов питания (с 41 до 38,2 %), непродовольственных товаров (с 37,7 до 33 %), алкогольных напитков (с 1,95 до 1,5 %), возросла оплата услуг (с 19,4 до 25,7 %). Это можно объяснить ростом цен на услуги ЖКХ, здравоохранения и оплату услуг за образование. Также наблюдается общее снижение показателя денежных доходов населения в реальном выражении по сравнению с прошлым годом, когда показали рост только пенсии. В 2012 г. в Ульяновской области расходы на покупку продуктов питания составили 36 % (по России 30,1 %), непродовольственных товаров – 33,8 % (по России 39,6 %), алкогольных напитков – 1,5 % (по России 1,7 %), оплата услуг – 23,5 % (по России 25,1 %). Таким образом, в Ульяновской области большая доля доходов (до 40 %) тратится на питание.

Выводы:

- материальная дифференциация населения Ульяновской области за период 1996–2013 гг. продолжает углубляться, но более низкими темпами, чем во многих других регионах России. Объем денежных доходов в группах с наименьшими доходами уменьшается, а в высокодоходной группе объем доходов увеличивается намного быстрее, что говорит о продолжающемся процессе поляризации общества;

- коэффициент Джинни в Ульяновской области продолжает расти;

- среднедушевые доходы населения Ульяновской области выросли в 8,5 раза в период

с 2000 по 2009 г., но в абсолютных цифрах они ниже, чем общероссийские;

- в Ульяновской области сохраняется необеспеченность большого слоя людей. Более 60 % населения имеют доход ниже 10000 руб.;

- в структуре расходов основную часть у населения Ульяновской области занимает покупка продуктов питания, что подтверждает факт необеспеченности большого слоя людей.

Модернизация может идти в том регионе, который является самодостаточным, не живет на дотации из центра. В процессе модернизации региона сегодня можно выделить следующие стратегические направления: население региона (сегодня и завтра); образование, наука; здравоохранение; медицина; культура; жилищно-коммунальное хозяйство, жилье; решение проблем экономического развития; энергетические программы и ресурсы; коммуникации и транспорт; экология; развитие сельского хозяйства; природные ресурсы: вода, лес, земля, природные ископаемые; производство и потребление продуктов питания. Эти стратегические направления модернизации региона должны лежать в основе стратегического прогнозирования, программирования, планирования, проектирования. Они берутся за основу в ходе принятия решений и управления регионам, которое должно опираться на все формы научного предвидения.

Однако последствия крайней бедности на одном полюсе и вопиющего богатства, роскоши и бездумного расточительства на другом сугубо отрицательно влияют на процессы модернизации. Они, в первую очередь, сказываются на накоплении человеческого и социального капитала в России, который приобрел решающее значение в возрождении былого величия страны в экономической, научно-технической, культурной, военной и внешнеполитической областях.

Таким образом, чтобы модернизация была успешной, она должна охватывать возможно более широкие слои населения, не замыкаясь только на небольшой группе людей, развивающих современные технологии или решающих организационные задачи. Она должна происходить синхронно во всех своих составляющих: технологической, экономической, политической, социальной и культурной. Успешность модернизации определяется ее комплексностью [8].

Список литературы

1. Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет регионов России» (модификация – 2010). М. : ИФ РАН, 2010.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm

3. Власова Н. В., Галкина Е. П. Динамика процессов инновационного развития в Ульяновской области // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» 12–15 октября 2011 г. / М-во образов. и науки России, Казанский нац. исслед. технол. ун-т. Казань : КНИТУ, 2011. С. 102–106.

4. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Уровень жизни в России: проблемы регионального неравенства // Социальное неравенство как глобальная проблема современности : VIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2013» : сборник тезисов. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 55–57.

5. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Социальная поляризация российского общества: современное состояние и перспективы // Третья международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина» : материалы конференции. М. : ВЦИОМ, 2013. С. 109–111.

6. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Условия жизни как фактор социального самочувствия населения (на примере Ульяновской области) // Научный потенциал регионов на службу модернизации : межвузовский сборник научных статей. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2013. № 3 (6). Т. 1. С. 85–88.

7. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2006 г. Справедливость и развитие.

8. Беляева Л. А. Напряжение социокультурного пространства в России и ее регионах и проблемы модернизации // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. С. 24–38.

© Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская, Н. В. Власова

Ссылка для цитирования:

Галкина Е. П., Кадничанская М. И., Власова Н. В. Социально-экономическая дифференциация как сдерживающий фактор модернизации региона (на примере Ульяновской области) // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 56–59.

УДК 008

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ДЕТЕКТИВА В АВАНГАРДИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А. А. Кочергина

Астраханский инженерно-строительный институт

В статье рассматриваются новые тенденции в современной детской авангардистской культуре, связанные с популяризацией в ней детектива и трансформацией этого жанра.

Ключевые слова: авангард, детектив, жанровая трансформация, современная детская литература.

TRANSFORMATION OF DETECTIVE STORY GENRE IN AVANT-GARDE CULTURE

A. A. Kochergina

Astrakhan Institute of Civil Engineering

The article reviews new trends in contemporary children's avant-garde culture which have to do with popularization of the detective story and transformation of this genre.

Keywords: avant-garde, detective story, genre transformation, contemporary children's literature.

Направление социокультурного развития на каждом этапе жизни общества во многом определяется ценностями и идеалами, господствующими культурными кодами и стандартами. Противоречивые процессы, происходившие в культуре на рубеже XX–XXI вв., привели к актуализации такого феномена, как авангард. Рожденный «на стыке величайших утопических ожиданий и мрачноватой действительности», когда «свихнувшаяся реальность не укладывалась в прокрустово ложе реализма» [1, с. 87], авангард стал целой художественной эпохой, реабилитация которой началась в нашей стране лишь с конца 80-х гг. прошлого века. Сейчас уже вряд ли найдется исследователь, который, принимая во внимание всю сложность и неоднозначность этого искусства, станет отрицать его значимость для мировой культуры.

Несомненно влияние авангарда на живопись, кино и, конечно же, литературу. В частности, по мнению литературоведа Н. Л. Лейдермана,

«искусство модернизма и авангарда стало серьезным испытанием представлений о жанре» [2, с. 154]. Оно характеризовалось небывалым расцветом антижанров (например, «антипьесы» Д. Хармса и А. Введенского), распадом целостной жанровой структуры на осколки, построенные по принципу нонселекции, и, конечно же, появлением новых жанровых образований («сверхповести», или «заповести», В. Хлебникова, «поэзы» И. Северянина, «дра» И. Зданевича). Сходные явления можно проследить и в современной детской литературе. Прежде всего, для нее характерно переосмысление уже существующих жанров. Естественно, подобные «жанровые эксперименты» рассчитаны на аудиторию, уже имеющую определенный литературный опыт и представление о жанровом каноне. В противном случае они просто не будут работать и не вызовут ожидаемой реакции – смеха. По этой же причине для переосмысления жанров выбираются те из них, которые имеют